

УДК 821.112.2

DOI 10.52928/2070-1608-2025-76-4-11-15

**ОТРАЖЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
В ПЕРЕВОДАХ «ПЕСНИ О ХИЛЬДЕБРАНДЕ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК****канд. филол. наук, доц. Е.В. ЛУШНЕВСКАЯ****(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)****e-mail: k.lushneuskaya@psu.by**

В статье рассматриваются переводы древнегерманского литературного памятника «Песнь о Хильдебранде» на русский язык, выполненные А.А. Гугниным и Т.К. Сулиной. Особое внимание уделяется специфике средневековой картины мира, которая находит отражение в данном эпосе. Трудности передачи средневекового мировоззрения в переводах «Песни о Хильдебранде» обусловлены различиями в культурных контекстах и языковых структурах, что требует от переводчика не только лексической точности, но и глубокого понимания исторических аспектов времени создания произведения. В статье акцентируется внимание на важности контекста эпохи не только для более точного перевода, но и для возможной интерпретации реалий средневекового общества и памятников средневековой культуры.

Ключевые слова: героический эпос, средневековое мировоззрение, «Песнь о Хильдебранде», перевод.

Введение. Древнегерманский памятник героического эпоса «Песнь о Хильдебранде» (*Hildebrandslied*, ок. 830) был обнаружен в 1715 г. на первом и последнем листах рукописи богословского содержания. Сохранившийся текст рукописи, по всей вероятности, был создан в монастыре города Фульда и претерпел значительные изменения и дополнения. На сегодняшний день рукопись хранится в библиотеке города Кассель. Скорее всего, мы имеем дело с копией более древнего утраченного оригинала, переписанного разными писцами, о чем свидетельствуют различия в написании одних и тех же слов, встречающихся на обоих листах рукописи. Спорным остается вопрос о наличии третьего листа рукописи, содержащего ее окончание. Кроме того, существует ряд версий, содержащих описание событий, составляющих сюжетную основу эпоса, и, соответственно, различный исход сюжета. Вне всяких сомнений, «Песнь о Хильдебранде» является уникальной находкой и содержит множество вопросов для исследовательской работы над текстом. Один лишь факт обнаружения героической песни в монастыре имеет несколько вариантов объяснений. Согласно одной из версий, покровители фульдского монастыря (вероятно, и сами монахи) проявляли интерес к темам героической поэзии. По другой версии, в период христианизации и уничтожения реликтов языческой культуры страницы попали в богословский трактат в качестве промокательной бумаги, благодаря чему сохранились.

Особого внимания заслуживает содержание древнегерманского памятника, сравнительно небольшой объем которого продолжает выступать объектом исследования ученых и переводчиков. Так, к «Песни о Хильдебранде» обращались такие зарубежные исследователи, как Г. де Боор, Э. Глазер, К. Дювель, Х. ван дер Кольк, Х. Кун, Я. де Фрис, В. Хоффманн и другие. Среди российских исследований следует отметить диссертации О.Ю. Воробьевой, Л.М. Котиевой, И.Г. Матюшиной, Е.С. Тихоновой.

«Песнь о Хильдебранде» известна в русскоязычном пространстве благодаря переводам А.А. Гугнина¹, Т.К. Сулиной², Б.И. Ярхо, а также прозаической версии Е.В. Балабановой, О.М. Петерсон.

Основная часть. Сюжет «Песни о Хильдебранде» отражает события Великого переселения народов и содержит характерные для эпоса мотив поединка отца с сыном и мотив изгнания. «Песнь о Хильдебранде» привлекает внимание ученых, прежде всего, наличием очевидных различий в интерпретации известного сюжета, обусловленных существованием нескольких переводов. В основу нашего исследования положены переводы А.А. Гугнина и Т.К. Сулиной. В свою очередь, сложности передачи средневекового мировоззрения в переводах «Песни о Хильдебранде» обусловлены различиями в культурных контекстах и языковых структурах, что требует от переводчика не только лексической точности, но и глубокого понимания исторической эпохи, нашедшей отражение в произведении. Немаловажную роль играет контекст эпохи и для интерпретации в переводе реалий средневекового общества.

Эпос начинается с центрального эпизода сюжета (*in medias res*) – встречи отца и сына на границе враждующих государств: «lk gihorta / ðat seggen / ðat sih urhettun / ænon muotin // hiltibrant enti haðubrant / untar heriun

¹Александр Александрович Гугнин (03.05.1941–15.06.2021) – советский, российский и белорусский литературовед, поэт, критик и переводчик, доктор филологических наук, профессор. В 1976 году защитил кандидатскую диссертацию «Основные этапы развития поэзии Л. Уланда», а в 1998 году защитил докторскую диссертацию «Основные этапы развития серболужицкой литературы в славянско-германском контексте». За свою многолетнюю карьеру А. А. Гугнин подготовил к изданию более 50 книг, опубликовал 7 монографий, более 600 научных и литературно-критических работ на русском, немецком, серболужицком и других языках, издал 2 сборника стихотворений и более 300 переводов с немецкого и серболужицкого языков.

²Татьяна Константиновна Сулина – советский и российский литературовед, переводчик, доктор филологических наук, профессор. В 1972 году защитила кандидатскую диссертацию «Немецкая героическая поэзия раннего средневековья», а в 1994 году защитила докторскую диссертацию «Первый роман в средневековой литературе Европы».

tuem / sunufatarungo. / Iro saro rihtun / garutun se iro guðhamun / gurtun sih iro suert ana / helidos ubar ringa / do sie to dero hiltiu ritun» [1, S. 6]. – «Я вести внимал, что поведала, / как витязи кликали клич: / на бой, в поединке сразиться, / вызывали друг друга они – / то Хильдебранд с Хадубрандом / меж войск повстречались своих. / Сын и отец осмотрели / доспехи свои, на чреслах / по кольцам кольчуги крепили / на поясе крепком мечи. / Снаряжались к сраженью герои, / пред полки поскакали они» [2, с. 405]. В переводе А.А. Гугнина данный фрагмент выглядит так: «Я слышал, как говорили, / что встретились в поединке один на один, / бросивши вызов, два воина, / Хильдебрант и Хадубрант, между двух войск / Два человека одной крови, / сын и отец, приготовили снаряжение свое, / боевые доспехи, и опоясались мечами, / вооружились герои, когда на битву собирались»³. А.А. Гугнин повторяет мысль о родстве воинов, используя словосочетания «два человека одной крови» и «сын и отец», не отрицая тот факт, что слушателям герои должны быть хорошо известны. В средневерхненемецком тексте встречаем слово *sunufatarungo*, что означает не только ‘отец и сын’, как переводит Т.К. Сулина, но и людей (воинов), принадлежащих им⁴. Следовательно, использование перифразы А.А. Гугниным является оправданным. Это важный момент в отражении общераспространенного средневекового поединка отца и сына, в отличие от обычая побратимства, участники которого связывали себя клятвенным обещанием не вступать друг с другом в бой, т.к. «побратимство обязывало участников договора к взаимопомощи» [4, с. 36].

Из данного отрывка не ясно, состоит ли поединок только между двух войск или «один на один», как переводит это А.А. Гугнин. Наречию *ænon* – ‘напротив’, ‘друг против друга’⁵ противопоставляется наречие, вводящее обстоятельство места ‘между двух ратей’ (*untar heriun tuem*). Вызывает вопрос и принадлежность упомянутых войск: возглавляют ли их Хильдебранд или это воины Дитриха или Отахра? Тем более, если забегать вперед, согласно дальнейшему развитию сюжета, главные герои вступают в поединок, никого не вовлекая в него. Очевидно, что на границе двух государств встреча двух воинов в одиночку невозможна в принципе, так как защита границ во все времена предполагала наличие определенного войскового контингента. Скорее всего, бой происходил на глазах воинов, готовых в любой момент ринуться на защиту государства или предводителя. Такие поединки нередко происходили в Средние века, предвзятое сражение, как, например, в литературном произведении XV в. «Сказание о Мамаевом побоище», где описан поединок Пересвета с Челубеем перед Куликовской битвой. Зачастую поединок двух воинов заканчивался серьезными ранениями или гибелью героев или героя. А.А. Гугнин отмечает, что «сравнительно-исторический анализ ряда памятников иранского, германского, кельтского и славянского эпоса постепенно привел ученых к выводу, что в произведениях типа “Песни о Хильдебранде” или “Бой Ильи Муромца с сыном” наиболее древний фольклорный слой представляет собою сложное художественное отражение конфликта двух эпох – эпохи материнского и отцовского рода» [5, с. 245].

Следует отметить, что с самого начала «Песни о Хильдебранде» автор называет отца и сына *helidos*⁶, т.е. ‘героями’ или ‘воинами’, показывая равенство их социального статуса⁷ [6, с. 110]. Далее герои вступают в диалог. А.А. Гугнин пишет так: «Хильдебрант молвил, сын Херибранта – / он старый был человек, опытный в жизни». Создатель песни представляет отца как человека ‘старше’ (*heroro*) и ‘более мудрого в жизни’ (*ferahes frotero*). Перевод Т.К. Сулиной здесь ближе к оригиналу: «Хильдебранд речь повел первым / старше годами и опытом мудр» [2, с. 405]. Вероятно, А.А. Гугнин не имел целью «преуменьшить» возраст Хильдебранда, используя сравнительные прилагательные «старше» и «более мудрый», это осознанный прием: переводчик хотел тем самым подчеркнуть юность сына по сравнению со старым и опытным Хильдебрандом. Хильдебранд обращается к Хадубранду, называя его *chind* – «дитя, ребенок», хотя А.А. Гугнин опускает это слово: «...и какого ты рода... / если скажешь мне одно, другое я уже буду знать, / Известен мне весь народ в королевстве». В оригинале, однако, мы читаем: «Hiltibrant gimahalta [Heribrantes sunu]: / her uuas // heroro man, // ferahes frotero; / her fragen gistuont // fohem uuortum, / hwer sin fater wari // freo in folche... / “eddo hwelihhes cnuosles du sis. // ibu du mi enan sages, / ik mi de odre uuert, // chind in chunincriche. / chud ist mi al irmindeot”» [1, S. 7]. То есть автор эпоса словно подчеркивает, что Хадубранд всё же ещё очень молод и совсем не известен своими подвигами. У Т.К. Сулиной мы встречаем в отношении Хадубранда номинации как ‘юноша’, так и ‘дитя’: «Хильдебранд речь повел первым, / старше годами и опытом мудр, / юношу он вопрошал: / “Какого ты племени твои. / Имя одно назови мне, / скажу остальные я сам: / мне ведом народ сей, роду, / кличешь отцом ты кого? / Среди соплеменников славны / родичи, чаю, дитя”» [2, с. 405]. Но переводчик А.А. Гугнин опускает этот момент, продолжая сохранять тайну дальнейшего развития событий. Возможно, таким образом читателям русскоязычного пространства предоставляется возможность предугадать исход поединка, тем более что оба воина представлены как «истинные герои». А.А. Гугнин пытается сохранить нейтральность эпизода, уделив внимание не вербальной стороне вопроса, а описанию ситуации. При первой встрече, как правило, выяснялась биография героя: его происхождение и подвиги. Часто рассказ вкладывался в уста другого героя (Унферт рассказывает о состязании Беовульфа с Брекой в поэме «Беовульф», Хаген – о победе Зигфрида над драконом в «Песни о Нибелунгах»).

³ Здесь и далее приводится перевод А.А. Гугнина «Песни о Хильдебранде» из личного архива.

⁴ *sunufaterunga**: nhd. Sohn und Vater..., Sohn und Vater betreffende Sache; nhd. Leute von Sohn und Vater [3, S. 376].

⁵ **ōnæn* = int: entgegen, gegenüber, weg [3, S. 37].

⁶ *helid**: nhd. »Held«, Mann, Krieger [3, S. 192].

⁷ В данном контексте под «героями» подразумевались воины, обладающие необычайной силой и отвагой, о которых впоследствии будут слагаться песни.

Юный воин начинает перечислять заслуги своего отца. Видно, что Хадубранд испытывает гордость за славного родича: «*Hadubrant gimahalta, / Hiltibrantes sunu: / “dat sagetun mi / usare liuti, / alte anti frote, / dea erhina warun, / dat Hiltibrant hætti min fater, / ih heittu Hadubrant. / forn her ostar giweit, / floh her Otachres nid, / hina miti Theotrihhe enti / sinero degano flu <...> her was Otachre /ummet tirri, / degano dechisto / miti Deotrihhe. / her was eo folches at ente: /imo was eo fehta ti leop. / chud was her chonnem mannum. /ni waniu ih iu lib habbe”*» [1, S. 7]. Перевод А.А. Гугнина не противоречит содержанию песни: «Хадубрант молвил, сын Хильдебранта: “Говорили мне наши люди, / пожилые и мудрые, жившие давно, / что зовется отец мой Хильдебрантом, я же Хадубрантом зовусь. / Ускакал он когда-то на восток, спасаясь от Одоакра гнева, / вместе с Дитрихом и воинами его <...> Был он сердит на Одоакра, ярости полон. / Был он любимейшим воином Дитриха... / Был он всегда во главе армии, / всегда была битва мила ему. / Храбрейшим называли его... / Не верю я, что он жив еще...”». В переводе Т.К. Сулиной данный отрывок также не претерпевает особых переводческих трансформаций. В обоих переводах сохраняется предыстория событий «Песни о Хильдебранде». Хадубранд, будучи младенцем, не помнил прославленного отца, полагаясь лишь на рассказы о нем. Именно слава о подвигах героев, передаваемая из уст в уста, могла служить достоверным источником, несмотря на некоторые искажения фактов.

Далее по сюжету Хильдебранд понимает, что перед ним его собственный сын, и приветствует его, называя себя «близким родственником»: «*“obana ab heuane, / dat du neo dana halt mit sus sippan man / dinc ni gileitos!”*» [1, S. 10] – «“Господь Бог на небе лишь знает, – / молвил Хильдебрант, – что никогда не говорил ты со столь близким родственником!”», – перевел А.А. Гугнин. Т.К. Сулина переводит это так: «“Бог в небе свидетель, доселе / тебя не сводила судьба / с родичем, юноша, кровным, / более близким тебе”» [2, с. 406]. Хильдебранд, естественно, решает избежать боя, поняв, что перед ним его сын. Он дарит ему толи кольцо, толи обручья (запаясть) *bauga*⁸: «*want her do ar arme / wuntane bauga, / cheisuringu gitan, / so imo se der chuning gap*» [1, S. 10]. – «Тогда сорвал он с руки кольцо / из императорского золота, подаренное ему королем, / господином гуннов», – переводит А.А. Гугнин. У Т.К. Сулиной «кольцо» заменено на «запаясть»: «ковки отменной запаясть, / дар золотой, что пожаловал / гуннов властитель ему» [2, с. 406]. Здесь интересен не столько перевод, сколько смысл описанного акта одаривания. Примечательно, что для Хильдебранда данный жест означает желание заключить мир, в то время как для Хадубранда он связан с «обычаем одаривания, который своими корнями уходит в древнегерманскую старину» [4, с. 39] и означает подчинение одариваемого воина вождю, что намекало бы на социальное неравенство героев эпоса. Неясно, однако, имел ли Хильдебранд стремление указать молодому воину на свое превосходство, в любом случае опытный воин мог вполне осознавать, чем может закончиться сражение для еще неизвестного своими подвигами юноши.

Молодой воин настроен решительно: «*Hadubrant gimahalta, / Hiltibrantes sunu: / “mit geru scal man / geba infahan, / ort widar orte”*» [1, S. 10]. – «Хадубранд молвил тут, сын Хильдебранда: “Копьем, острием к острию / воин приемлет награду”» [2, с. 406]. Здесь мы видим очередное указание на древний обычай. Только на безопасном расстоянии вытянутого вперед копья Хадубранд мог сохранить себе жизнь, в противном случае, например, спешившись и протянув руку за подарком, воин мог быть повергнут копьем противника. Переводчик А.А. Гугнин не оставляет и доли сомнения в дальнейшем развитии событий. Вместо слова «копьем» он использует словосочетание «с копьем»: «“С копьем должно подарки принимать! Острием против острия!”». Так он намекает на неизбежность поединка: как только копье с обручьями приблизится к копыю противника, последний окажется слишком близко, чтобы отступить.

Усугубляют ситуацию и оскорбительные слова, упрекающие старого воина в хитрости, доносящиеся из уст Хадубранда: «*“... du bist dir, alter Hun, / ummet spaher; / spenis mih mit dinem wortun, / wili mih dinu speru werpan / pist also gialtet man, / so du ewin inwit fortos. / dat sagetun mi seolidante / westar ubar wentilseo⁹, / dat inan wic furnam: / tot is Hiltibrant, / Heribrantes suno”*» [1, S. 10] – «“Старый гунн, твои речи лукавы / копье твоё смертью грозит. / Оттого до седин ты дожил, / что к обману и лести привык. / Люди бывалые весть / мне привезли из-за моря: / Хильдебранд в битве пал, / мертв Херибранда сын!”» [2, с. 406]. Молодой воин аргументирует свое нежелание принимать дар от якобы близкого родственника, т.к. тот, по словам бывалых людей (мореплавателей), погиб. То же самое читаем в переводе А.А. Гугнина: «“Хитер ты, старый гунн, без меры! / Завлечешь меня словами да пронзишь копьем. / Старый ты человек, а слова твои – ложь. / Говорили мне моряки западные, / что была битва... / Мертв Хильдебрант, сын Херибранта!”». Здесь снова подчеркивается значение слухов (вестей), передаваемых из уст в уста, которые вселяли больше доверия, нежели конкретные факты¹⁰, и молодому воину легче принять смерть отца, погибшего в битве, чем факт поединка с ним.

Далее мы сталкиваемся с сетаованиями старого Хильдебранда на судьбу: «*“welaga nu, waltant got”, quad Hiltibrant, / “wewurt skihit! / ih wallota sumaro enti wintro / sehstic ur lante, / dar man mih eo scerita / in folc sceotantero. / so man mir at burc enigeru / banun ni gifasta. // nu scal mih suasat chind / suertu hauwan, / breton mit sinu billiu, / eddo ih imo ti banin werdan”*» [1, S. 10] – «“Вижу я по твоим доспехам, / что хороший у тебя господин, / что никогда не

⁸**bauga*: nhd. Ring; Eisenkette usw.; nhd. Armring [3, S. 126], т.е. кольцо, металлическая цепочка, браслет.

⁹ *wentilsēo*?: nhd. Mittelmeer (?), Weltmeer [3, S. 191]. *Wentilseo* (Вентильseo) – это древнегерманское название Средиземного моря, которое можно перевести как «море вандалов»; название часто встречалось в раннесредневековых германских источниках.

¹⁰ В условиях, когда рукописи были редкостью, а грамотность населения практически отсутствовала, слухи часто были единственным способом узнать о событиях, происходящих за пределами собственного места жительства, их влияние на общественно-политическую жизнь в Средние века было огромным.

изгонят тебя из королевства. / О, Боже всемогущий, – Хильдебрант продолжал, – / Путешествовал я шестьдесят зим и лет по странам; / где всегда меня в войско принимали. / Ни один город смерти мне не принес, / А теперь собственный ребенок должен со мной биться, / меня мечом поразить, / либо я стану его убийцей”». Он упоминает и факт изгнания из королевства¹¹, и длительные скитания (30 лет), и постоянные битвы, и, наконец, угрозу гибели от руки собственного сына. Умудренный опытом воин использует последнюю возможность избежать поединка, с одной стороны, взывая к чувствам молодого Хадубранда, с другой, – подспудно подчеркивая собственные боевые заслуги. Наряду с упоминанием Бога, он снова называет Хадубранда «дитя» (*chind*). Интересно, что в переводе А.А. Гугнина данный эпизод лишен сентиментальности. Переводчик кратко, фактологически, излагает ситуацию. В последующих строках он словно сомневается в силе молодого воина: «Но можешь ты – если силы тебе достанет – / старому человеку доспехи пробить». Подобное встречаем и в переводе Т.К. Сулиной: «“Ты же сможешь, однако, / Коль силы достало, / Старца доспехи добыть, / Павшего панцирь получишь, / Коли право свое утвердишь”» [2, с. 406]. Битве быть, и закончится она кровопролитием, т.к. только в случае гибели воина на поле боя противнику доставались его доспехи, конь, оружие и всё остальное имущество противника. Из последних слов Хильдебранда становится ясным и исход битвы: он несколько раз напоминает молодому Хадубранду о его юности, неопытности и слабости.

Начинается поединок отца и сына: «do lettun se ærist / askim scritan, / scarpen scurim: / dat in dem sciltim stont. / do stoptun to samane / staim bort chlodun, / heuwun harmlicco / huitte scilti, / unti imo iro lintun / luttilo wurtun, / giwigan miti wabnum...» [1, S. 10] – «Тогда метнули они ясеновые копья в тяжелой схватке; / вонзились копья в щиты. / И сразились они, щиты затрещали, / и ударили они снова, / так до тех пор, пока не остались они без липовых щитов своих, / растерзанных мечами...». В данном эпизоде следует обратить внимание на орудия, точнее, материал орудий. «Ясеновые копья» отсылают к известному в древнегерманской мифологии ясеневому дереву Иггдрасиль, которое представляет собой соединительную ось между двух миров, так называемое «мировое дерево». Согласно В.Н. Топорову, «концепция мирового дерева отражает наиболее универсальную ситуацию, с которой сталкиваются разные коллективы на определенной стадии своего развития, – выбор между жизнью и смертью...» [7, с. 325]. Так, согласно германо-скандинавской мифологии, у корней Иггдрасиля живут норны, которые плетут нити судьбы, связывая жизнь и смерть. Если нить судьбы обрывалась норнами, то воина неминуемо ожидала смерть. Вероятно, в силу своего магического свойства, ясень часто использовался для изготовления средневекового оружия, которое могло либо помочь избежать смерти, либо лишить жизни. Значение липы также немаловажно. Можно вспомнить липовый листок, который сыграл судьбоносную роль для Зигфрида в «Песни о Нибелунгах». В переводе Т.К. Сулиной отсутствуют упоминания ясеня и липы, переводчик уделяет внимание описанию действия: «Прежде дротик с силой метнули, / Те вонзились, застряли в щитах. / Тут сошлись, зазвенело железо. / Вот щиты их иззубрены светлые / И сломлено древко копья...» [2, с. 406].

На описании поединка дошедший до нас текст рукописи заканчивается. Судя по другим эпическим произведениям, содержащим сведения о подвигах Хильдебранда, а также ссылаясь на опытность и мудрость героя, можно предположить победу Хильдебранда. В любом случае, нам не известно, по какой причине отсутствует окончание песни. И.Г. Матюшина, в частности, приводит несколько версий: «Одни исследователи предполагали, что, помимо заключения песни, были утрачены и несколько речей героев (после утверждения Хадубранда, что его отца нет в живых). Другие пытались реконструировать несохранившиеся эпизоды, считая, что окончание поэмы могло содержать рассказ о поражении Хадубранда, предложение мира. Третьи полагали, что переписчики не стали копировать окончание песни, предпочтя остановиться в том месте, где действие достигло кульминации. Четвертые считали, что продолжения песни никогда не существовало. Пятые обращали внимание на то, что любое окончание отвлекло бы внимание от диалога и ослабило бы его эмоциональное воздействие на аудиторию» [6, с. 115–116]. Отсутствие однозначного мнения открывает множество перспектив для дальнейших исследований данного древнегерманского эпического памятника.

Заключение. Перенесение смыслов, присущих средневековому мировоззрению, в современную действительность представляет собой сложную задачу для переводчика. Изучение особенностей древневерхненемецкого языка, безусловно, упрощает процесс перевода, однако не решает проблему понимания исторических реалий. При переводе древних литературных памятников, таких как «Песнь о Хильдебранде», важно сохранить не только прямое значение слов, но и их смысловую нагрузку, а также контекст эпохи. А.А. Гугнину удалось в своем переводе передать контекст средневекового мировосприятия, при этом сохранив не только метрику, но и содержание текста. Т.К. Сулина отразила особенности средневекового мировоззрения благодаря включению комментариев к переводу, хотя в тексте иногда отсутствуют важные для эпической литературы детали (например, указание материала орудий). По сравнению с предшествующими переводами «Песни о Хильдебранде», оба переводчика достаточно близки к оригиналу. Вместе с тем А.А. Гугнину удастся уделить внимание не только вербальной стороне вопроса, но и описанию ситуации. Переводчик использует перифраз или опущение, продолжая сохранять тайну дальнейшего развития событий для современного читателя, в то же время, будучи предельно ясным для средневекового слушателя. Важным для понимания текста является передача контекста эпохи.

¹¹ Согласно сюжету, Одоакр изгоняет Дитриха Бернского, а вместе с ним и его верного воина Хильдебранда, который оставляет семью и отправляется в изгнание. Они находят приют у гуннов и поступают на службу к гуннскому королю Аттиле. Спустя 30 лет Хильдебранд, получив щедрую награду от Аттилы, возвращается с гуннским войском, чтобы свергнуть Одоакра и вернуть Дитриху его земли.

Таким образом, анализ переводов становится ключом к пониманию средневекового мировоззрения, т.к. перевод предоставляет читателю возможность вступить в диалог с культурой прошлого. Лишь тщательная работа с первоисточником способна в полной мере раскрыть образ мыслей средневековых героев и передать всю глубину смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Das Hildebrandslied, die Merseburger Zaubersprüche und das Fränkische Taufgelöbniß. Mit photographischem Facsimile nach den Handschriften; herausgegeben. v. E. Sievers. – Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1872. – 26 S. – S. 6–10.
2. Песнь о Хильдебранде / пер. Т.К. Сулиной // Зарубежная литература средних веков: хрестом. / сост. Б.И. Пуришев. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2004. – С. 404–407.
3. Althochdeutsches Wörterbuch [Online-Ressource] / G. Köbler. – 4. Aufl. – 1993. – URL: <https://www.koeblergerhard.de/ahdwbhin.html> (Abrufdatum: 01.05.2025).
4. Лушневская Е.В. «Песнь о Нибелунгах» в контексте западноевропейской эпической традиции: жанровые и композиционно-стилевые особенности: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. – Полоцк, 2019. – 151, [2] л.
5. Гугнин А.А. Основные этапы истории немецко-русских и русско-немецких литературных связей // Балтийский филологический курьер. – 2003. – № 3. – С. 242–294.
6. Матюшина И.Г. Нарушение канона типовой сцены в древневерхненемецком эпосе // Фольклор: структура, типология, семиотика. – 2019. – № 1(3). – С. 104–137.
7. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. – Т. 2. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – 496 с. – С. 324–336.

Поступила 09.06.2025

THE MEDIEVAL WORLDVIEW IN THE TRANSLATIONS
OF THE “HILDEBRANDSLIED” INTO RUSSIAN

E. LUSHNEVSKAYA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article discusses the translations by A. A. Gugin and T. Ya. Sulina of the old German literary monument the “Hildebrandslied” into Russian. Special attention is paid to the specifics of the medieval worldview which is reflected in this heroic lay. The difficulties of conveying the medieval worldview in translations of the “Hildebrandslied” are due to the differences in cultural contexts and linguistic structures, which requires the translator not only to be lexically accurate but also to have a deep understanding of the historical period during which the poem was created. The article focuses on the importance of the context of the epoch not only for a more accurate translation but also for a possible interpretation of the realities of medieval society and monuments of medieval culture.

Keywords: *heroic epic, medieval worldview, “Hildebrandslied”, translation.*